

С.А. Бурдинская
Э.М. Кез
А.В. Комаров
О.В. Красноярова
В.В. Шерстов
А.А. Яровая

Боброведение

Учебник

Иркутск
2015

Боброведение/ Учебно-подарочное издание. – Иркутск:
НАСТЯ, 2015. – 44 стр.

Данное издание подготовлено выпускниками филологического факультета Иркутского государственного факультета разных лет к 90-летию преподавателя курса «Литературное редактирование» Идеи Михайловны Бобровой.

© НАСТЯ, 2015
© С. Бурдинская
© Э. Кез
© А. Комаров
© О. Красноярова
© В. Шерстов

Идея Михайловна!
Мы вас любим.

Ученики

Уроки Жизни

...Закон суров, но это закон. Известное выражение.

Пусть латынь проходили филологи, а не студенты-журналисты. Но каждый, кто учился на кафедре журналистики в те времена, знал, что эти крылатые слова полностью характеризуют преподавателя Боброву.

– Алексей! И что ты принёс? – Идея Михайловна спрашивала резко и бескомпромиссно.

В самом вопросе уже был ответ: ты принёс брак, негодный материал, не справился с собственным обещанием.

Я пытаюсь объяснить, что снимок вышел «в бледных тонах сепии» от того, что фиксаж у меня был «тощий», а я торопился сделать отпечаток (по сути, мне жалко было разводить новые растворы).

А. В. Комаров

– Фотография, возможно, неплохая, – ответила Боброва. – Но по качеству для газеты не годится. Перепечатавай. Сейчас. Мы же номер сдаем.

Я знаю, что она права. Я еду домой, в кладовке, которую про себя именую «фотолабораторией», развожу новый проявитель и фиксаж, перепечатаваю снимок. На мокром листе фотобумаги – кусочек осеннего леса. Как раз на тех горках, где сегодня вместо леса выросли микрорайоны Первомайский и Университетский.

И к фото – небольшой текст. Что-то про природу, про то, что она – мой друг.

Перепечатанную фотографию – в нужных черно-белых контрастных тонах – через час привожу в университет. Идея Михайловна принимает ее без вопросов. Даже, как мне сегодня кажется, чуточку ее хвалит.

...Это довольно трудно вспоминать: все происходило почти полвека назад. Общий фон помнится, а факты (и лица, и речь, и одежда, даже поступки) – в туманном расфокусе. Речь о 1971-ом, в тот год я поступил в Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова (так он тогда официально именовался), на отделение журналистики филологического факультета.

На курсе было две группы студентов, около 60 человек. Внутри групп нас еще размельчили на команды по 8-10 человек. Каждая команда под руководством преподавателя должна была выпустить учебную газету. Учебной она только называлась, а так это была самая настоящая газета, формата А3, на четырех полосах. Вузовская многотиражка. Называлась «Иркутский университет».

Наша группа выпускала учебную газету под руководством Идеи Михайловны Бобровой. Правильнее сказать, что Боброва была редактором номера. Но как-то мой язык не поворачивается. Идея Михайловна и на самом деле была редактором, только я тогда еще даже на 10 процентов «не въехал» в то, куда я попал, и значение слова «редактор» представлял себе довольно условно. На уровне школьной стенгазеты.

«Иркутский университет» распространяли по корпусам ИГУ. В третий корпус (напротив гостиницы «Сибирь») ее тоже привозили. Толстая пачка обычно лежала на столе у вахтера, перед лестницей в подвал, где находилась раздевалка. Номер газеты со своим снимком и кусочком текста я ухватил одним из первых. Где-то он у меня до сих пор хранится. А вместе с ним в голове отпечаталось и закрепилось навсегда: в газету материалы необходимо сдавать в срок и качественные. Все остальное – халтура. А любую халтуру Боброва презирала.

Идея Михайловна говорила так, что казалось, будто она выражается резко и бескомпромиссно.

Перед началом лекции она всегда стояла перед дверью аудитории, чуть в стороне, давая возможность всем студентам зайти и занять места за партами. Но когда Боброва закрывала дверь и начинала излагать материал, проникнуть в учебный класс было невозможно. Идея Михайловна практически никого из опоздавших на ее занятия не пускала в аудиторию (за редчайшим исключением – по чрезвычайно уважительным причинам).

Казалось, что у Бобровой и на затылке глаза. Вот она смотрит в сторону окна, рассказывает о ком-то из пу-

А. В. Комаров

блицистов гражданской войны. В это время за ее спиной бесшумно открывается дверь и опоздавший тихо-тихо просачивается на ближайшее свободное место за партой, делая вид, что он здесь находится давным-давно.

– Имярек! Встаньте и покиньте аудиторию! – резко говорит Боброва, и замолкает до тех пор, пока ее приказ не исполнен.

Так же бескомпромиссно она «не пускала» в тексты и в речь фонетические неблагозвучия. До сих пор помню примеры: «а волны и стонут, и плачут, ибьются аборткорабля», «восславим же женщину, шагающую ноговангоу с мужчиной...». Но об этом обязательно напишет кто-нибудь другой. А мне в голову приходит воспоминание совершенно личное и достаточно «мелкое».

Я – еще абитуриент. Я хожу на подготовительные курсы. Русский язык и литературу нам читает Идея Михайловна. Ближе к экзаменам мы пишем сочинение. Сегодня я не помню точно тему. Это было что-то о конфликте отцов и детей. В моем довольно вольном тексте Павел Петрович о чём-то спорит с Базаровым и на белой стене от пламени свечи колышутся две громадные тени: они – на стене – живут как будто несколько другой жизнью, чем оригиналы, сидящие за столом. И я горжусь тем, что придумал нестандартный ход для раскрытия темы.

На подготовительных курсах – тьма народу. Но после проверки именно мое сочинение Идея Михайловна прилюдно подвергает подробному разбору. Поставив оценку 4/4 (числитель – грамотность, знаменатель – содержание), Боброва, тем не менее, советует мне в буду-

щем экзаменационном сочинении придерживаться для литературного разбора произведений «более традиционных» взглядов.

Кроме того, что в день первого вступительного экзамена на улице было тепло и солнечно, я почти ничего не помню. Мы писали сочинение в большом зале фундаментальной библиотеки. Ни одного пустого стола. Все – не от мира сего: глаза вразбег, мысли спутаны. Объявляют несколько тем.

Выбираю. Что-то о войне. Все произведения читал. Все знаю. Пишу спокойно.

Кажется, сначала накидал план на черновых листах, потом перешел на чистовик. Из четырех часов мне понадобилось три. Я еще раз вычитал текст, собрал листочки, сдал экзаменационной комиссии, и – вышел за дверь.

Безмятежно спускаюсь по лестнице, думаю, что сейчас на улице покурю. И вдруг!

– Абитуриент! Абитуриент Комаров! Ну-ка подождите!

Идея Михайловна наклоняется через перила лестницы чуть вниз и говорит железным тоном:

– Ты все проверил? Уверен?

У меня глаза – по полтиннику. Я лепечу в ответ:

– Да, Идея Михайловна, два раза...

– Ну, иди!

Боброва, поднявшись по лестнице, возвращается в читальный зал с абитуриентами.

Я, озадаченный и вновь испуганный, выхожу на набережную Ангары.

А. В. Комаров

Два дня проходят в подготовке к экзамену по русскому языку. В томительном ожидании оценок за сочинение. Я пришел слишком рано. Листы с фамилиями и оценками еще не вывешивали. Меня потрясывает. И не одного меня. Вокруг неприкаянно слоняются такие же абитуриентские тени.

Наконец-то! У стенда, куда приколоты несколько листков, сразу людской круговорот и очередь. Оказываюсь перед листками с результатами и я. Отыскал свою фамилию: 5/5! Вот это да!

Вступительный экзамен по русскому языку я тоже сдавал Бобровой. Все вопросы билета знал назубок. Она даже не давала мне рассказывать до конца. Убедившись, что я понимаю, о чем рассказываю, Идея Михайловна говорила:

– Достаточно, абитуриент. Переходите к следующему вопросу.

...Уже прожив значительный кусок жизни, я понимаю, что Идея Михайловна была в те годы моим незримым ангелом-хранителем. Только осознал я это лишь сегодня. Теперь и всегда с громадной благодарностью вспоминаю ее уроки. Не о публицистах ленинской школы, не о литературном редактировании и стилистике. Я вспоминаю предмет «Уроки Жизни Идеи Михайловны Бобровой», – так вот отложилось в моей голове.

*Алексей Комаров,
выпускник 1976 года,
журналист*

Замечательная Идея*

...Когда думаю об Идее Михайловне, обязательно вспоминаю фильм из советской киноклассики – «Чапаев». Знаменитый диалог легендарного комдива и не менее легендарного ординарца: «Василь Иванович, а ты армией командовать могёшь? – Могу, Петька, могу. – А фронтом? – Фронтом? Если подучиться, то и фронтом смогу».

Так вот, мне представляется, что – если надо – наша замечательная Идея Михайловна смогла бы, как тот экранный Чапай, и армией, и фронтом командовать. Её характеру такие должности под стать. Сильная, волевая, закалённая и обожжённая Великой войной, она, кажется, не боялась ничего на свете. Всегда умела добиваться своего.

* Очерк из книги В.В. Шерстова «На Вузовской набережной, или 50 /15» (готовится к выходу в свет в 2015 году).

В. В. Шерстов

Понятно, что у такого человека дисциплина на занятиях – однозначно железная, а требования к студентам – очень жесткие. Тогда казалось: чересчур жёсткие. Только позже пришло понимание: иначе нельзя! Предмет обязывает.

И. М. Боброва учила нас литературному редактированию. Дело сложное – теперь по себе очень хорошо это знаю. Вот Идея Михайловна и помогала освоить его азы. Освоить так, чтоб ты чувствовал и понимал: у тебя есть надёжный инструмент для работы.

Она учила ВИДЕТЬ текст, чувствовать его. Понимать, где в написанном хорошо, где – не очень, а где – совсем худо. Понятно, что одной теорией тут не обойдёшься. Поэтому Боброва предлагала для разборов множество примеров – как говорится, один другого краше.

Найти в тексте ошибку, классифицировать её, понять, откуда она возникла! Всё это должны были уметь её студенты. Мы, как сыщики, расследовали лингвистические детективы. А Идея Михайловна подбрасывала всё новые и новые загадки. И побуждала нас собирать собственные коллекции ляпов.

Но на этом дело не заканчивалось.

Дальше, на мой взгляд, было ещё интересней. После того, как ошибки в тексте найдены, Боброва учила, как их исправить и сделать редактируемый текст если не идеальным, то к идеалу близким, безупречным, легко читаемым.

И опять это были очень интенсивные «тренировки» под руководством «старшего тренера» И. М. Бобровой.

(Читаю сейчас материалы студентов, привезённые ими с производственной практики. И если вдруг натыкаюсь на ляпы в текстах, с досадой думаю: «Эх, нет на вас Идеи Михайловны!» И в самом деле, – сейчас такой наставник был бы незаменим для молодых журналистов).

Если продолжать спортивные аналогии, то следует сказать: после таких «тренировок» следовал «финал», где каждый из нас должен был раскрыться, как говорится, по полной.

Таким «финалом» была итоговая контрольная работа, в которой нужно найти как можно больше ошибок (желательно – все!), исправить их и отредактировать текст.

Отмечу: вариант контрольной был у каждого свой (как сказали бы сейчас, эксклюзивный).

А ведь это текст не на одну-две страницы – на 15-20. Остаётся только удивляться работоспособности Идеи Михайловны, которая все материалы для нас готовила сама. А ведь в ту пору ещё не было компьютеров, заметно облегчающих сейчас процесс набора текстов. Да и множительная техника не имела ещё такого распространения.

Оценивала Идея Михайловна наши «финалы» по гамбургскому счёту – очень и очень строго. Ставила чаще всего «тройки», реже «четвёрки». А «пятёрки» были совсем уже уникальным явлением. Горжусь, что заслужил у И. М. Бобровой «отлично».

Если б не эта оценка, кто знает, может быть, и моя профессиональная судьба пошла по совсем другой колее. И не стал бы я литературным редактором.

Но всё сложилось так, как сложилось.

В. В. Шерстов

И я благодарен за это прежде всего двум моим учителям – Александру Петровичу Горбунову и Идее Михайловне Бобровой.

...К слову, за ту «пятерку» от Бобровой мне пришлось расплачиваться. Когда работал в издательстве Иркутского университета, несколько лет делал контрольные работы друзьям, которые учились курсами младше меня. Чувствуя, что сами не справятся, и зная, что Идея Михайловна оценила мой труд на «отлично», они заявлялись в издательство. И просили:

– Ты только на пятерку не делай, а то Боброва не поверит! Сделай на четверку. Хватит даже на троечку...

Пару раз шёл навстречу. Хотя не уверен, что это правильно. Однако, что было, то было...

И ещё с Идеей Михайловной мы изучали творчество советских публицистов 1920-х – 1930-х годов.

Вроде бы предмет, отличный от литературного редактирования. Но Идея-то Михайловна и там, и там – одна. И подход тот же – строгость, железная требовательность. Чтобы знали всё до тонкостей, учили, как следует.

И здесь усилия И. М. Бобровой не пропали даром.

До сих пор помню многие очерки и фельетоны Ларисы Рейснер, Михаила Кольцова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова...

...Вышли мы с однокурсниками после зачёта по советским публицистам и счастливые пошли к остановке. Большое дело сделали – сдали Бобровой! Да ещё с первого раза. От напряжения зачёта и от эйфории по-

Замечательная Идея

слезачётной отошли не сразу. А когда очнулись, поняли вдруг: идём мы почему-то не по тротуару, а по проезжей части. Вот куда занесло от радости!

И такие воспоминания есть у меня об Идее Михайловне...

Спасибо ей за всё!

Владимир Шерстов,

выпускник 1986 года,

доцент факультета филологии и журналистики ИГУ

Строгая и нежная

Каждый новый курс отделения журналистики в ИГУ в 80-х с первых дней учебы знакомился с мифами и легендами филологического факультета. Добрые старшекурсники снисходительно говорили: «Разве это сессия? Вот когда будете сдавать...» Дальше шли фамилии. Старшекурсники делали большие глаза и рассказывали, что занятия у Идеи Михайловны Бобровой лучше не пропускать. Что уважительной причиной пропуска ее лекций или семинаров может быть, дословно, «если вы в этот момент на операционном столе или в роддоме», других просто нет. Что студенты во время сессии падают в обморок перед дверью аудитории, где строгая Идея Михайловна принимает зачеты. Что прогульщики или троечники ходят к ней по десять раз. Что...

Справедливости ради, многое оказалось правдой. Весь курс дружно сидел в аудитории, даже если пара была самой первой, в восемь утра. Примеров двух-трех опоздавших сокурсников хватило раз и навсегда, чтобы после появления Идеи Михайловны дверь в аудиторию больше не открывалась. Она – единственный преподаватель, от которого не могли защититься броней справок из деканата начинающие комсомольские функционеры. Эти бумажки Боброва просто не признавала. Ровно час двадцать минут Идея Михайловна читала «Основы литературного редактирования». Самыми ценными были ее семинары – здесь по косточкам разбирали разные тексты. Предлагалась, например, газетная вырезка и называлось количество ошибок. С азартом и воодушевлением мы искали самые разнообразные ошибки и объясняли каждую из них. Идея Михайловна создавала эффектные паузы и ждала, пока кого-нибудь осенит: «Капитаны ведут пароходы. В чем ошибка? Почему она возникла? Как ее избежать?» Тишина... и чей-нибудь голос: «Совпадают падежи! Нужно изменить предложение!..»

Когда мы учились на третьем курсе, родная кафедра задумала провести небольшое исследование, посвященное юбилею отделения журналистики. С небольшой анкетой нас отправили в разные редакции Иркутска и окрестностей. Уже в ходе опроса выяснилось, что абсолютное большинство выпускников разных лет искренне благодарны Идее Михайловне за полученные знания и навыки редактирования, которые больше всего пригодились в повседневной журналистской работе. Многие журналисты и редакторы высказались за то, чтобы Бо-

Э. М. Кез

бровой дали больше часов в университетской программе, особенно практических занятий, поскольку расписание всегда было напичкано многими бесполезными, пустыми предметами.

А еще на третьем курсе мы были ответственными за факультетский праздник Дня Победы. От тех же старшекурсников – спасибо им – знали: Идея Михайловна, ветеран Великой Отечественной, совершенно не переносит трескучего пафоса и напыщенности, когда речь идет о той войне и Победе. И поэтому факультетские чествования ветеранов посещает нечасто, никогда не рассказывает о тех годах. Война застала ее совсем юной, перепахала душу и сердце...

Мы долго ломали голову и нашли выход, как построить концертное выступление. Скорее, интуитивно. Искренние слова и настоящие эмоции. Хорошие стихи и душевные песни под гитару. Все украдкой посматривали на Идею Михайловну, как она отреагирует?.. Выдохнули – она улыбалась, ее глаза потеплели.

Зачеты сдали без особой «крови» и, разъехавшись затем в разные редакции, поняли, насколько хорошо она научила нас видеть изъяны в своих и чужих текстах, бережно относиться к языку. Встречаясь через много лет после окончания университета, добрым словом вспоминали Идею Михайловну и ее знаменитую авторскую методичку – несколько желтоватых машинописных листов, ценность которых была гораздо выше иных многостраничных трудов. В свое время мы, конечно, постарались и передали эстафету младшекурсникам. Приукрасили легенды о Бобровой новыми подробностями. И было приятно через несколько лет услышать,

что все эти истории исправно передаются новым поколениям студентов...

А с нашим курсом у Идеи Михайловны были особые отношения, благодаря Лене Веселковой. Лена, с присущим ей талантом общения и умением помогать людям, нашла свой ключик к Идее Михайловне. Возила ее за грибами, в Шаманку, общалась по-родственному, как это бывает между старинными друзьями. Организовала вечернюю учебу для своих сотрудников. И целое поколение молодых журналистов в «Телеинформе», вне стен альма-матер, прошло школу Бобровой – практически все они сегодня лучшие редакторы, обозреватели, журналисты, и у них уже есть свои ученики. Но главное, что в это время мы открыли для себя новую Идею Михайловну: веселую, жизнерадостную, общительную. Она безудержно хохотала над нашими рассказами о том, как ее воспринимали студенты, как волновались и трепетали в дни сессий, зубрили методичку и писали шпоры. И угощала замечательным холодцом собственного приготовления, делилась секретами сушки грибов.

...Когда Лена погибла в автоаварии, Идея Михайловна повторяла вновь и вновь: «Я не могу с этим согласиться!» Собирала Ленкины последние репортажи, складывала в стопочку газеты с некрологами и полосными статьями о нашей однокурснице...

Три года назад Идея Михайловна побывала на встрече нашего курса. И это было очень теплое, волнующее событие в жизни. Однокурсники приехали из разных уголков страны, спустя четверть века после окончания университета. Легендарная преподавательница встре-

Э. М. Кез

чается с немногими выпускниками. И поэтому мы горды
неимоверно, что она оказывает нам такую честь. Стро-
гая и нежная, мудрая и обаятельная, справедливая и
душевная, добрая и красивая – наша Идея Михайловна.

Элеонора Кез,
выпускница 1987 года,
журналист

Золотая роза для Учителя

... Своим студентам, привыкшим к весьма демократическим отношениям в современной российской школе образования, иногда говорю слегка ворчливо: «Вот нет на вас Идеи Михайловны Бобровой!». Это когда они сдают домашние работы не слишком аккуратно выполненные. А в голове возникает образ моего преподавателя, моего Учителя – Идеи Михайловны, в гневе потрясающей листом (залитым то ли кофе, то ли еще чем), перед самым носом нерадивого ученика, вжавшегося в ужасе в скамью студенческой парты. Причем взрослого студента-заочника (!), «дневники»-то вообразить себе такого не могли: сдать Идее Михайловне листок в кляксах!?. Это что-то немислимое!.. Это ведь какая неслыханная бесшабашность и склонность стать настоящим камикадзе должна быть...

Да, она учила нас не только щепетильной аккуратности в наших журналистских текстах (так, чтобы безу-

О. В. Красноярова

пречная логика помогала раскрывать красоту точности словоупотребления и арифметическую выверенность описываемого факта, явления), но и приучала к уважению и собственного труда (ведь это твоя домашняя работа!), и труда другого человека (преподавателя, проверяющего твою контрольную). В этом она, как преподаватель, была бескомпромиссно жесткой. Можно даже сказать, грозной (ох, все мои однокурсники, конечно, помнят, как мгновенно передавалось сообщение: Идея Михайловна пошла в аудиторию! – и нас всех мигом смывало из столовой. Ни в коем случае нельзя было к ней опаздывать на пару!).

Но!.. Когда я, работая в вузе уже не один год, думаю порой – ах, как мне не хватает этой строгости моего учителя! – понимаю, что ведь это не только характер человека, но и то, что Идея Михайловна прошла войну, она – ветеран Великой Отечественной. Мне кажется, всё-таки мера этой дисциплинированности, осознанной необходимости порядка сопряжена с тем опытом военных испытаний, которые она прошла. Кстати, о войне она не любила говорить, уходила от вопросов, а уж если «до-ставали» отвечала: «Что вам рассказать? Про грязь, вши и окопы?..» И тема закрывалась.

И всё-таки в моих воспоминаниях о студенчестве, хотя и возникает образ грозной Идеи Михайловны, потрясающей неряшливым студенческим листком, но этот образ тут же переходит в мелодичный звон.

А дело в том, что на руке у Идеи Михайловны было два десятка тонких серебряных браслетов, и они издавали красивый малиновый звон. И сразу на моем лице от этого звукового воспоминания появляется улыбка.

Золотая роза для Учителя

Я его слышу и невольно улыбаюсь. Это было нежно и красиво. В этом была изысканность. Какое-то почти священное шаманство... Для нас – студентов периода советского дефицита и однообразных стандартизированных товаров, – присутствовала в этом какая-то исключительность, необычность, «нездешность» (а они и правда были нездешними: она купила их в Польше, когда там преподавала). Глядя на неё, хотелось быть такими же необычными, яркими, запоминающимися.

Чувство прекрасного и нежного у неё потрясающее. Я бесконечно благодарна Идее Михайловне за то, что она открыла нам на занятиях по мастерству публициста удивительный мир Константина Паустовского, и в частности, его «Золотой розы». Это стало трепетно любимым на всю жизнь. Она открыла и показала, как через публицистический образ рождается откровение. Бесценная золотая пыль... Она это видела и учила видеть нас. А нас метало из стороны в сторону – от романтической байроновской возвышенности к высокомерию уставшего от жизни мудреца «а ля Уайльд», и вдруг в Паустовском открывались простые вещи в их бытийной светлой прозрачности и красоте.

Ах, чудесная, чудесная Идея Михайловна! Как же мы Вам благодарны за Ваши уроки прекрасного!!! И как чудесен и знаменателен сегодняшний Ваш юбилей!!! Доброго здоровья и светлого настроения!!!

*Ольга Красноярова,
выпускница 1989 года,
кандидат искусствоведения,
доцент Байкальского госуниверситета*

Уроки русского*

...**Е**сли воспринимать жизнь как постоянный поиск в постижении новых знаний, то окажется, что у каждого из нас учителей в избытке. И в буквальном, и в абстрактном смысле.

Первая учительница, которой даришь огромный букет цветов: она тебе улыбается, и как-то сразу легче взволнованной душе. Дальше – больше. Физик Сергей Васильевич, с которым интереснее говорить о политике, чем о силе переменного тока. Учитель истории, по прозвищу Торпеда. Литератор Татьяна Васильевна, на уроках которой класс до хрипоты спорит на тему «Тварь я дрожащая или право имею?». Красавец-математик, высокий, кудрявый и холостой. Еще – Антошка, Зита-Гита, Мар-Санна, папа Карло, Тяпка, Джейн Эйр, ЧП, Жираф,

*Очерк опубликован в газете «Труд – Восточная Сибирь» от 4 октября 2001 г.

Гаврюша... Старые школьные прозвища, которыми бессовестные и неблагодарные ученики награждают своих педагогов-наставников. Но награждают так метко, что сразу понятно: этого учителя любят, а этого – не очень. Значит, есть за что?

Переступая порог школы, попадаешь в руки иных учителей: они обращаются к тебе на «вы», предоставляют большую свободу в постижении материала, но и спрашивают строже. Потому что теперь ты не просто ученик, а – студент. И учителя твои – преподаватели, доценты, профессора вузов.

Нам повезло учиться у Ермолинского, Любимова, Владимирцева, Петрова, Берестенева, Зоркина... «Зубры советской журналистики» – так мы называли старую гвардию наших преподавателей в ИГУ. Они пытались втолковать нам основы журналистского мастерства, которому мы должны были научиться все-таки самостоятельно. И мы учились понемногу, «чему-нибудь и как-нибудь».

Теперь вспоминаем «зубров» да их лекции добрым словом.

Для воспоминаний про Идею Михайловну Боброву одного слова мало. Она не могла не остаться в памяти у любого, кому довелось у нее учиться. Причин тому несколько. Первая: она никогда не учила нас быть журналистами. Ее цель была скромнее – научить нас выражать свои мысли грамотно.

Выражать свои мысли грамотно – это главное, чему я научилась за пять лет учебы в университете. (Звучит самодовольно, но и ответственно. Потому я и берусь за нынешнее повествование с некоторым душевным тре-

А. А. Яровая

петом. Пребываю в смятенных чувствах. Волнуюсь, как на важном экзамене. Почему? Потому что этот текст так и следует воспринимать: как своеобразный экзамен, проверку на профессиональную пригодность. Знак журналистского качества.

Вот и попробуй после таких заявлений не волноваться.)

Можно, конечно, не браться за эту зарисовку, опустить подробности, а вслед за ними и руки: мол, и так сойдет, без упоминания о... Но это было бы нечестно. Потому что говорить об учителях и не вспомнить при этом Идею Михайловну Боброву, по меньшей мере, несправедливо, а по большей – некорректно. Ибо азы корректорского искусства с его вершиной – литературным редактированием – для журналиста дорого стоят. Тем более сегодня, во времена безграмотных текстов, которыми перенасыщены не только газетки с газетенками, но и газеты. Надеюсь, проницательный читатель понимает разницу и умеет отличать одни от других.

Когда-то именно с этого для нас начиналось обучение журналистскому ремеслу. На собеседовании преподаватели выясняли, насколько серьезно соискатель студенческого звания относится к будущей профессии, каким видит свое будущее в журналистике. И никому из абитуриентов в голову не приходило сказать: хочу работать в «желтой прессе» (или что-нибудь подобное). Все, как один, стремились объективно освещать жизнь страны, быть в самой гуще событий, писать передовые репортажи и т. п. (Кто же знал, что всего лишь десять лет спустя передовые репортажи вместе с объективной

картиной жизни будут успешно заменены полу-жанрами той самой глубоко-порицаемой некогда «желтой прессы»).

Но одно дело – хотеть, а вот суметь – совсем другое. Для того и пришло большинство моих однокурсников в Иркутский государственный университет на отделение журналистики филологического факультета. И я – в том числе.

Уже на первом курсе, познакомившись с сеткой расписания, мы знали, что помимо обязательных дисциплин, с помощью которых из нас будут ковать образованных гуманитариев, нам предстоит прослушать такие экзотические спецкурсы, как «Ленин – журналист и редактор» и «Районная газета». По поводу первого местные острословы (с присказкой «вот ей Богу не вру!») шутили, что на геофаке изучают спецкурс «Ленин – географ и метеоролог», на химфаке – «Ленин – химик и естествоиспытатель», на биолого-почвенном – «Ленин – ботаник и зоолог» и т. д. по количеству факультетов.

«Районной газете» доставалось не меньше. Нас пугали тем, что на этом спецкурсе будут преподавать основы свиноводства: «Вдруг придется на практику в районку ехать, а вы хряка от хрюшки не отличите! Это же позор на всю журналистскую братию. Вот, чтобы не запозорились, вас и будут со свиноводством знакомить!»

А потом, оставив шуточки, старшие товарищи делились своим студенческим опытом в курилке:

– И «Лениниана», и «Свиноводство» – это все семечки, чепуха, – в этом месте следовала трагическая пауза.
– На четвертом курсе у вас будет «Боброведение». Тогда узнаете, почем фунт журналистского лиха.

А. А. Яровая

Никакого «Боброведения» в расписании, естественно, не было. Но что оно такое есть на самом деле, нам познать довелось. Именно на четвертом курсе, как и предрекали старшекурсники. Фунт журналистского лиха мы хлебнули на лекциях и практических занятиях по «Литературному редактированию» у Идеи Михайловны Бобровой.

Свое знакомство с нами она начала такой выразительной фразой:

– Есть преподаватели, которые позволяют. Я – не позволяю. Прошу это запомнить.

И посмотрела на нас так твердо и строго, что мы поняли: надо запомнить, потому что действительно «не позволит».

Идея Михайловна не позволяла: а) пропускать лекции; б) опаздывать на занятия; в) приходиться на практические занятия с невыполненными заданиями; г) допускать любые ошибки (т. е. при малейшей погрешности приходилось выполнять всю работу заново); д) сдавать не безукоризненную работу на проверку. Последний пункт подразумевал, во-первых, внешний вид, во-вторых, безупречность содержания. При невыполнении хоть одного из условий в действие вступал пункт «г». Таким образом, у студентов вырабатывалась привычка делать хорошо с первого раза. Хотя у Бобровой это было настолько непросто. Поначалу, прямо скажем, невозможно.

Вот несколько небольших, но весьма показательных примеров, которые так прочно засели в моей памяти, что помнятся почти дословно до сих пор.

В предлагаемом отрывке текста требуется найти (и обезвредить) ошибку:

«Как выяснилось потом, эпицентр землетрясения находился в пятидесяти километрах от Вены. Но этого венцы, выскочившие на улицу, кто в халате, кто в пижаме, а кто и вовсе босиком, не знали».

(Если вы не нашли стилистический ляп самостоятельно, подскажу, что здесь в один ряд попали члены деления, произведенного по разным основаниям: халат, пижама и почему-то «босиком». Теперь ясно?)

Кстати, в качестве учебных заданий Идея Михайловна подбирала всегда реально существующие в газетах, журналах и даже художественной литературе «стилистические погрешности». При этом могло «достаться» любому писателю. В том числе из непререкаемых авторитетов.

– Вслушайтесь в эти классические строки, – говорила Идея Михайловна на лекции, посвященной ошибкам фонетическим, и начинала декламировать:

Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди...

Тут она делала эффектную паузу, обводила суровым взглядом притихшую аудиторию и обрушивалась на Михаила Юрьевича:

– Что это за «винцо в груди», хотелось бы узнать?

Сначала до многих из нас с трудом доходило: о чем вообще идет речь? Зато потом, поднатаскавшись на не менее классических примерах как то: «А волны и стонут и плачут, и бьются о борт корабля...» («Аборт корабля – это как понимать?!»), мы как орешки щелкали подоб-

А. А. Яровая

ные фонетические ляпы. Да и сейчас время от времени ухо выхватывает из теле- и радио-потоков подобные неприличности, вплоть до непристойностей: «Вчера во Франции закончился первый этап гонок на автомобилях «Рено» (хрен редьки не слаще?), «Хороши вечера на Оби!..» (это про реку, а не про тампоны), «Веселый карнавал и бал выпускников пройдут на Воробьевых горах» (извините за нецензурное неблагозвучие, но именно так прозвучало по «Радио России» в репортаже о праздновании выпускных вечеров).

Кто-то, возможно, скажет: «Ну уж, знаете! Так можно к чему угодно придраться, во всем ошибку найти!» На подобные возражения Идея Михайловна отвечала:

– Журналист должен писать так, чтобы нельзя было придраться. И точка.

Эта «точка» означала очень многое. Во-первых, журналистский текст должен быть грамотен с точки зрения русского литературного языка и с фактической стороны. Во-вторых, журналистский текст должен быть безупречен, то есть представлять собой монолитную глыбу хорошо спрессованных аргументов, которая должна раздавить затрагиваемую проблему. В-третьих, в тексте должна быть мысль. И даже так – Мысль.

С последним, как обычно, было туговато. А поскольку научить мыслить нас (тогдашних двадцатилетних оболтусов) в постоянном режиме было практически невозможно, Идея Михайловна все свои силы тратила на борьбу с безграмотностью. (И тратила не зря. Вот только что, в этом абзаце, я автоматически вычеркнула одно «было», посчитав, что три «было» в двух предложениях многовато).

Идея Михайловна добивалась, чтобы ошибки замечали автоматически. А в качестве программы-максимум каждому студенту предлагалось научиться писать без ошибок сразу.

Не знаю, как другие, но я все еще нахожусь в процессе выполнения этой «максималистской» программы. Совершенно, впрочем, безуспешно.

– Запомните, Настя, – учила меня Идея Михайловна: – на ресницах, на кончике носа может повиснуть слеза, а на щеке – нет!

У меня сохранилось несколько листков с ее заметками по поводу моих текстов: этакий журналистский «разбор полетов».

«Не вижу смысла, цели, вообще ничего не вижу!..»

«Слово “сюрприз” в конце не у места. “Подарок” – это, пожалуйста...»

«Неужели Кире было приятно дышать гарью и дымом? Странно...»

«Ветер был “совершенно мартовский”, дул “совсем по-весеннему” и вдруг – “ледяной, пронизывающий насквозь”??»

«Плохо сказано! Ужас что такое!!»

«Опус этот вообще непонятен. Мне во всяком случае. Много лишнего, противоречивые, ненужные повторы...»

И, наконец: «У мотыльков нет перьев!»

После того, как меня подобным образом «тыкали носом» в мою собственную писанину, хотелось провалиться на месте. Но с него было, само собой, не сойти, потому как Идея Михайловна спуска никому не давала,

А. А. Яровая

справедливо полагая, что конструктивная критика всегда лучше и полезнее подчас незаслуженной похвалы.

В моих тестах до сих пор время от времени встречаются ляпы и ошибки – куда же от них денешься? Но у мотыльков перьев больше нет, и слезы со щеки не свисают. Это точно.

Кроме «Литературного редактирования» Идея Михайловна читала у нас спецкурс «Мастера публицистики». По итогам семестра мы сдавали экзамен. Конечно, все волновались, а из-за того, что экзаменатор – Боброва, так еще больше обычного. Помню, как наш однокурсник Олег, тяжело вздохнув, сказал:

– Бобров бояться, в реку не ходить, – и вошел в аудиторию. Вернувшись через некоторое время, он рассказал, что с ним было.

– Захожу, беру билет. А там – Лариса Рейснер с этим своим известным очерком про сталелитейный завод. Очерк я не читал, само собой. Да и с Рейснер, по правде говоря, не слишком знаком. Надо как-то выкручиваться. Пока готовился, все пытался представить, что такого на сталелитейном заводе Лариса Рейснер могла интересного увидеть. С трудом представляется! Но делать нечего, иду отвечать. Когда общие слова кончились, начал мямлить всякую чепуху. А мне еще кто-то перед экзаменом сказал, что у Рейснер сталь кипящая сравнивается с брызгами шампанского. Так я и это в ответ воткнул. Тут Боброва меня останавливает и говорит: «Олег, конечно, я понимаю, что вам, мужчине, может быть, неловко говорить о том, как Лариса Рейснер сравнивает сталелитейный завод с женским организмом...» А после этого

как давай перечислять все эти рейснеровские эпитеты-метафоры, типа «клокочущее лоно» – меня аж в жар бросило. Стою весь красный и киваю: да, мол, неловко как-то про женский организм... Тут-то Боброва и говорит: «Неловко должно быть не от этого! А от того, что вы Рейснер не читали! Идите, читайте, и чтоб никаких брызг шампанского!»

С Идеей Михайловной нас связывали еще и человеческие отношения. Проще говоря, мы любили ездить к ней в гости. А она любила принимать гостей.

– Кофе или чай? – спрашивала она, когда мы как-нибудь размещались в ее маленькой уютной кухоньке.

Однажды я, выбрав кофе, потянулась за банкой «Пеле», стоящей на столе.

– Не трогать! – вскрикнула Идея Михайловна, и тут же пояснила: – Это кофе для плохих гостей. Сейчас достану тот, что для хороших.

И откуда-то из шкафчика был извлечен «Максвелл». Кстати, банка с «Пеле» была практически полной. Это означало, что плохие гости здесь бывают нечасто. Мы же, попав в разряд «хороших гостей», начинали потихоньку смелеть:

– Идея Михайловна, а почему у вас такое имя?

– Как почему? Родители назвали. Хорошо еще, что не Тракторина. Времена-то какие были...

– А какие? Расскажите...

И она рассказывала. Хотя больше любила говорить о современной политике или же о литературе, или выпрашивала нас о нашей собственной жизни.

– Настя, вы как-то говорили, что живете с бабушкой.

А. А. Яровая

– Да.

– А сколько ей лет?

– С двадцать третьего года.

– Да она у вас старенькая. Тяжело ей, наверное, в наше время жить. Нашим советским старикам всегда в этом государстве тяжело живется.

При этом она говорила не о себе, и мы понимали, что она говорит не о себе – всегда. При любых обстоятельствах Идея Михайловна была энергичной, подтянутой, безупречной. Хотя сама она – с двадцать пятого года.

(Ремарка из 2015 года. Предыдущая фраза звучала в том очерке, опубликованном четырнадцать лет назад, так: «Хотя сама она – с двадцать ЧЕТВЕРТОГО года». Боброва позвонила в редакцию. «Как ты могла ТАК составить меня?! – с возмущением проговорила Идея Михайловна. Меня мгновенно бросило в жар, в холод, в дрожь... И тут она добавила: – Холера!»)

Была единственная тема, на которую она отказывалась говорить – Великая Отечественная Война. Мы знали, что Идея Михайловна Боброва воевала, была связисткой. Потому 9 Мая для нее – самый главный праздник.

Как-то раз на девятое мая мы приехали к ней с поздравлениями. Выпили за Победу, потом пели военные песни, разговаривали, засиделись допоздна. Уже начало темнеть, когда Идея Михайловна достала самодельную книжку: отпечатанные на машинке и переплетенные листы.

– Здесь собраны мои самые любимые стихотворения, – сказала она. Потом, помолчав, стала читать «Во-

рона» Эдгара По. В книжку она почти не заглядывала, читала наизусть. Все свои любимые стихотворения она знала наизусть.

...И венчая шкаф мой книжный
неподвижный, неподвижный,
С изваяния Минервы не слетая никуда,
Восседает ворон черный,
несменяемый дозорный,
Давит взор его упорный,
давит, будто глыба льда,
И мой дух оцепенелый
из-под мертвой глыбы льда
Не восстанет никогда.

Стихотворение закончилось, все молчали. Потом кто-то сказал:

- Будто этот ворон сейчас здесь, с нами.
- В этом и есть гений Эдгара По, – сказала Идея Михайловна.

(И умение читать его стихи вслух – следовало бы добавить. Но никто не добавил. Почему-то.)

Сейчас понятно: мы сказали ей так мало благодарных слов. За ее бесконечную преданность русскому языку, которой были пронизаны все ее лекции и разгромные тирады над контрольной работой очередного студюозуса. За ее страсть к безупречности, когда чеховские слова о том, что «в человеке все должно быть прекрасно» находили наконец свое реальное воплощение в невы-

А. А. Яровая

сокой женщине, которую язык не поворачивается называть «старушкой». За общение с ней...

У меня же есть свое особое «спасибо».

Как-то Идея Михайловна сказала мне:

– Конечно, вы будете писать, Настя. Наверное, много и, скорее всего, неплохо. Потому я хочу подарить вам одну древнюю китайскую мудрость: «Прежде, чем написать что-нибудь, посмотри, как прекрасен чистый лист бумаги». Когда-нибудь вы поймете, о чем это.

С тех пор прошло около десяти лет. Слова «Прежде, чем написать что-нибудь, посмотри, как прекрасен чистый лист бумаги» я вижу ежедневно – написанные на листке бумаги, они висят над моим рабочим столом. Может быть, потому мне так сложно писать. Но так и должно быть. Как любит говорить Идея Михайловна Боброва: «Владеть грамотным русским языком – непросто. Этим и займемся».

Этим и стараюсь заниматься до сих пор.

(Ремарка из 2015 года. Подаренные Бобровой слова, сегодня перекочевали с листа бумаги в «шапку» сайта моего издательства...)

Анастасия Яровая,
выпускница 1994 года,
издатель

Девяносто с точкой

...**В**первые об Идее Михайловне Бобровой я услышала в нашем университетском буфете, в том самом, где существовало загадочное фирменное блюдо «кругляш из гов.», неизвестно как появившееся в недрах филфака. Мы только приступили к его поеданию, как прозвонел звонок. Обычно вальяжных старшекурсников сдуло криком: «Бегом, сейчас пара у Бобровой!» На расспросы о том, кто такая Боброва, старшие товарищи отвечали сурово: мол, придет время, сами поймете. Время пришло. На первой же лекции преподаватель по литературному редактированию Идея Михайловна Боброва сказала нам, что спустит с нас семь шкур и точка, зато восьмая вырастет крепкая. Спустила. С некоторых больше семи.

На самом деле надо начать по-другому...

С. А. Бурдинская

Учебой и оценками в те годы я лично, как и мои друзья, не заморачивалась вообще. Как и социально-политическим и экономическим состоянием страны в те страшные 90-е. Даже распад СССР мы как-то пропустили. Даже то, будет у нас обед или нет, было неважно. Я лично жила стихами, музыкой, дружбой и личной жизнью. Единственные оценки, которые мы обсуждали в аудиториях и общежитии, были за контрольные по литературному редактированию. «Пятерок», насколько я помню, вообще не случалось. «Четверки» появлялись редко. Попробуй, получи ее, не просто отыскав в небольшом тексте на полстраницы 40-50 ошибок (стилистических, фонетических, пунктуационных и других), но и обосновав их! Каждая оценка имела свой вес и характер. «Четверка» с толстой точкой считалась почти «пятеркой», с тонкой – примерно «четверкой» с четвертью. Такая же градация была у «троек». «Двойка» свидетельствовала о том, что количество спущенных шкур с ее обладателя еще недостаточное. Чуть позже Идея Михайловна очень удивилась, когда мы ей рассказали про это. По ее словам, никакого смысла в точки она вообще не вкладывала. Но я до сих пор горжусь «четверкой» с жирной-прежирной точкой!

Наш курс (1991-1996 гг.) был предпоследний, у кого преподавала Идея Михайловна. Даже и не помню, как и почему мы с ней подружались. Наверное, потому что мы были веселыми и искренними девицами, а она оказалась вовсе не злым преподавом, а бесконечно интересным, отзывчивым, мудрым, остроумным, веселым, искренним, интеллигентным человеком. Помню, как

мы, пять подружек, помогали Идее Михайловне переезжать из района ГЭС в Солнечный. Таскали бесконечные коробки с книгами. Потом ели на новой квартире сало, смеялись, читали вслух стихи Георгия Иванова – по серебряному веку Идея Михайловна вела великолепный спецкурс... Она очень любит Валерия Брюсова, знает наизусть «Евгения Онегина» и обожает в сотый раз перечитывать «Робинзона Крузо».

Опять не так начала!..

Начать, наверное, надо с того, что я не встречала больше человека с такой же негибимой силой воли, с такой жаждой жизни, как Идея Михайловна. Мне мало известна ее биография, знаю пунктирно. Родилась в Сталинграде. Ушла на войну совсем молоденькой, не закончив школы. Идея Михайловна практически никогда не говорит о войне, не ходит на парады и приемы, не дает интервью. Настолько война оказалась для нее непоправимо, вселенски страшной. Только однажды Идея Михайловна призналась, что не выжила бы, если бы в самые тяжелые минуты на войне не читала наизусть стихи, благо, она это может делать часами...

После войны экстерном окончила школу и решила учиться дальше. И не абы где, а в Московском государственном университете. Разумеется, на филологическом! Попасть в Москву в первое послевоенное время было непросто – въезд разрешался по особым пропускам, которого у Идеи Михайловны не было. В столицу она приехала чудом, пережив настоящее приключение, нелегально, в каком-то военном эшелоне. Помог слу-

С. А. Бурдинская

чайный добрый человек. Идея Михайловна гордится, что училась в Москве, говорит, что взяла от нее все (и при этом выразительно и крепко сжимает пальцы в кулак). Третьяковскую галерею знала, как свои пять пальцев, без конца бегала в другие музеи, в театры, и училась отлично, хотя времена стояли тяжелые, голодные.

Жизнелюбию и оптимизму Идеи Михайловны можно только завидовать. Когда она несколько лет назад, будучи уже в довольно почтенном возрасте, сломала ногу, та срослась без последствий и быстро. На мой взгляд, исключительно на силе воли и нежелании ограничивать свою жизнь больной ногой.

После окончания вуза Идея Михайловна учительствовала в Подольске под Москвой. Ее там до сих пор любят и помнят, звонят. Несколько лет работала в Польше, откуда вывезла свое фирменное ругательство «холера ясная». Впрочем, оно не обидное, а почетное, его еще нужно заслужить. В Иркутске оказалась, поехав в Сибирь за мужем. Здесь и осталась – на благо всем нам. Вклад Идеи Михайловны Бобровой в иркутскую журналистику огромен. Редакторы и журналисты старше сорока лет, прошедшие школу Бобровой, благодарят судьбу за то, что учились профессии у нее. Идея Михайловна дала нам в руки реальный рабочий инструмент – умение редактировать, видеть текст, чувствовать его структуру. Почти все остальное обучение было, как говорится, общеукрепляющим. И когда меня спрашивают, что я лично вынесла из стен ИГУ, говорю, не задумываясь: курс мировой литературы и курс Бобровой.

Подхожу к самому личному. Я люблю Идею Михайловну. Люблю, как она периодически спрашивает, сколько мне лет: двадцать три, тридцать один, тридцать шесть, сорок... Ведь каждый раз Идея Михайловна восклицает: «Какая же ты молодая! Мне бы твои годы, я бы дел натворила!» – «Каких дел-то?» – «Разных!» И так улыбается, что понятно: натворила бы. И творила наверняка. Если бы у меня была «машина времени», я бы хотела посидеть в одной аудитории с подружкой Идой, вместе с ней не покорять Москву, а впитывать ее, узнавать. И работать потом на одной кафедре, дружить, обсуждать не цены на масло, а новые стихи современных поэтов. И снова стать ее студенткой, торопиться на лекции, внимательно слушать под звон серебряных браслетов о тождестве текста и смеяться над фразой «А какая река широка как Ока»...

И напоследок...

Пять фактов об Идее Михайловне

1. Обожает ходить за грибами. Великая любовь – опёнки. Так, как их маринует Идея Михайловна, никто не умеет. Можно съесть банку, потом вывернуть ее и облизать.

2. Любит путешествовать по миру. Называется это у нее так: «А не сбегать ли мне в Грецию?»

3. Не смотрит телевизор вообще (включая любимые многими пенсионерами бесконечные сериалы), не сидит на лавочках во дворе, обсуждая всех и вся. Представить такое НЕВОЗМОЖНО.

С. А. Бурдинская

4. Мастерски разгадывает кроссворды любой сложности, периодически ругаясь на полуграмотных составителей, и оставляя на полях ехидные и точные замечания.

5. У Идеи Михайловны три внука и пятеро правнуков. И это еще не точка.

*Светлана Бурдинская,
выпускница 1996 года,
главный редактор информационного агентства
«Байкал Инфо»*

Содержание

А.В. Комаров. Уроки Жизни	4
В.В. Шерстов. Замечательная Идея	10
Э. М. Кез. Строгая и нежная	15
О.В. Красноярова. Золотая роза для Учителя	20
А.А. Яровая. Уроки русского	23
С.А. Бурдинская. Девяносто с точкой	36

Учебно-подарочное издание

Боброведение

Учебник

С. А. Бурдинская, Э. М. Кез, А. В. Комаров,
О. В. Красноярова, В. В. Шерстов, А. А. Яровая

Тексты публикуются в авторских редакциях

nastya-book.com

Подписано в печать 3.02.2015
Формат издания А5. Бумага офсетная.
Гарнитура «Myriad Pro»

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
тел. 540-940